

Х. Рюткёля

С ЙОУКО СУРХАСКО НА БЕРЕГАХ КУЙТТИЯРВИ

В мае-июне 1991 г. я совершил двухнедельную поездку в район д. Вокнаволок Костомукшского горсовета. Поездка была организована в рамках научного обмена по линии совместной Финляндско-советской комиссии по научно-техническому сотрудничеству. Меня сопровождал сотрудник Карельского научного центра Академии наук СССР петрозаводчанин Йоуко Сурхаско. Главной целью моей работы было обследование и описание деревенских кладбищ. Меня также интересовали деревянные постройки. Наряду с этим я фотографировал пейзажи, деревенские виды и сельских жителей. В дополнение ко всему я стремился интервьюировать людей – не только выходцев из интересовавших меня деревень, а всех, кто так или иначе был связан с темой проводимого мной исследования. Ранее я дважды посещал Карельский научный центр Академии наук в Петрозаводске. Летом 1989 г. я встретился с Йоуко Сурхаско во время одной из поездок. Вместе с исследовательницей архитектуры Пяйви Тервонен из Кааяни мы посетили Олонецкий район и места проживания вепсов, расположенные на побережье Онежского озера; нас сопровождал Алексей Конкка. Й. Сурхаско был в роли переводчика, когда мы встречались с деканом А. Шишкиным и профессором В. Орфинским в Петрозаводском государственном университете. Мне запомнилась грамотная речь Сурхаско. Иногда он даже поправлял «менее академичные» высказывания участников разговора. Об этом лете напоминает снимок деревенского кладбища Пирттигубы, полученный в подарок от Сурхаско. Он сделал его летом 1970 г. Теперь Йоуко снова был моим гидом. Эта поездка в российскую Карелию отличалась тем, что в этот раз я путешествовал на своей машине и пересек государственную границу в пункте пересечения «Вартиус–Люття», расположенном по пути из Кухмо в Костомукшу. За год до этого я был в тех же местах в сопровождении А. Конкка, и тогда путь пролегал через «близлежащие» Ленинград и Петрозаводск. Теперь само путешествие стало значительно короче по времени. Это было существенным моментом с точки зрения нашего исследования. Мы получили возможность передвигаться в соответствии с собственными потребностями и условиями конкретных обстоятельств. Это, конечно, могло лишь опосредованно облегчить передвижения по воде на лодках, которые были важной составляющей всего путешествия.

**Старые домовины на кладбище д. Нильмозеро. Лоухский район
Республики Карелия**

Фото Ю. Ю. Сурхаско, 1974 г. (Научный архив КарНЦ РАН. Р «О». № 1855)

Из Костомукши к Верхнему Куйтто

29 мая я прибыл в Костомукшу и направился в здание горсовета, где мне предстояло встретиться с моим гидом. Там ничего не знали о прибытии Сурхаско, и я отправился в гостиницу, чтобы снять номер. Йоуко встретился мне по дороге. Мы отменили заказ номера и выехали по направлению к Вокнаволоку. Дорога была еще разбита после весенней распутицы. Мы ненадолго остановились у деревенского кладбища в Толлореке. Ехать приходилось медленно, дорога требовала сосредоточенного внимания. Несмотря на это, мы оживленно беседовали. Выяснилось, что, будучи сотрудником Института языка, литературы и истории Карельского научного центра, Сурхаско много путешествовал по территории Беломорской Карелии и знает многие места и многих местных жителей. Погребально-поминальная культура входила в область его научных интересов. По предпосылкам я почувствовал, что поездка должна стать очень удачной. В Вокнаволоке мы направились в сельсовет, и его председатель С. Лесонен присоветовал нам дом, в котором можно остановиться. Прав-

да, на этот раз хозяева дома не могли принять гостей. Вместе с Йоуко мы отправились на поиски другого жилья и попали в дом Карху на берегу Ламмасъярви. Там нам обещали предоставить жилье на несколько дней. В первый день мы повстречались с моими знакомыми и знакомыми Йоуко, а также спланировали поездку в Пирттигубу. Встречи были знаменательны тем, что в дальнейшем эти люди оказали мне значительную помощь во время моих поездок.

**Двойное захоронение: «гробница» с двумя столбцами,
д. Кевязозеро Беломорского района Республики Карелия
Фото Ю. Ю. Сурхаско, 1975 г. (НА. Р «О». № 1874)**

На второй день путешествия мы посетили Пирттигубу, туда нас отвез на моторной лодке Виктор Ремшу. Вернувшись, мы направились в Суднозеро. Местами дорога была очень плохой. Нам пришлось оставить машину в шести километрах от деревни и дальше двигаться пешком. У Йоуко не оказалось с собой резиновых сапог. Он разулся и шел босиком. Я боялся, что он простудится и тяжело заболеет, но Йоуко беззаботно махнул рукой: мол, нет причин для беспокойства. Он к такому привык. К моему удивлению, у него

не случилось даже насморка. По возвращении из Суднозера мы встретились с Йоуки Ремшу, знакомой Сурхаско по его предыдущим поездкам. Было очень интересно слушать их разговор и воспоминания. Вместе с сыном Виктором Йоуки готовилась поселиться в доме, перевезенном из Толлореки. Виктор намеревался выйти в отпуск на несколько дней и переехать в дом, привезенный из его родной деревни и отремонтированный им самим. «Пусть останется память», – говорил он. Его брат Сантери привез из Толлореки дом, в котором родился Виктор.

В Тунгуду?

Мой интерес к деревенским кладбищам и используемые мной приемы описания навели Йоуко на мысль посетить д. Тунгуда и ее окрестности. По его сведениям, там были действительно интересные старые кладбища и встречались необычные надгробия. Возможно, он хотел ускорить продвижение моей работы. Я несколько раз сослался на заявленные мной цели поездки и обозначенные в визе места пребывания, опасаясь, что поездка может оказаться неудачной. Йоуко не считал это проблемой. Он настойчиво приглашал в путь. В конце концов, я согласился, и мы решили, что по пути посетим еще несколько интересных мест.

Первым из них была д. Лувозеро, куда мы прибыли в последний день мая. Ее кладбищенские надгробия широко известны благодаря замечательным фотографиям И. К. Инха. Каким стало это кладбище? По дороге мы посетили Костомукшский горсовет. Судя по всему, Йоуко согласовывал изменение программы поездки. Видимо, он получил «благословение» в устной форме, без оформления каких-либо документов.

На берегу Лувозера шло строительство дачного поселка жителей Костомукши. Двое мужчин-карел одолжили нам резиновую лодку и объяснили, как попасть на остров. Мы с Йоуко отправились туда в тесной лодке, которую с трудом удавалось держать по курсу. К счастью, не было сильного ветра. Я греб, и Йоуко ничем не мог мне помочь. Я даже сделал несколько снимков, но, видимо, в силу обстоятельств они получились неудачными. На острове мы обнаружили несколько невысоких могильных холмиков, но от надгробий не было и следа. Вместо них нашлись два весьма новых, довольно неуклюжих в сравнении с великолепными произведениями конца XIX в. креста. Кроме этого, я обнаружил то, что осталось от двух «ветровых платков» (tuulipaikat). Эти кусочки ткани давно изорвались и поблекли от времени. Спускаясь по склону, заметил в траве небольшую икону. Ее сюжет был знакомым – Огненное восхождение Ильи Пророка.

Доброжелательные строители дачи угостили нас чаем и предложили ночлег, но мы решили продолжить путешествие, и отправились в Кимасозеро. Мы прибыли туда в половине первого ночи. Несмотря на поздний час, было светло как пасмурным днем. Помоему, в белой ночи есть что-то проникновенное, впечатляющее. Я думал, что деревня спит и нам придется дожидаться утра. У меня был с собой спальный мешок, а у Йоуко – нет. К моему удивлению дверь ближайшего дома открылась, и на крыльцо вышел молодой мужчина, направлявшийся в лес, на глухариный ток. Он предложил нам ночлег в доме, где проживала вдова О. С. Валдаева. Я спал на полу в спальном мешке, а Йоуко предпочел остаться в машине. Возможно, он не хотел стеснять хозяйку дома, по-моему, совершенно напрасно.

Мне кажется, что в его поведении стойкость соседствовала с упрямством, по крайней мере, в этот момент, но в нем никогда не было стремления покрасоваться, «показать себя».

В Кимасозере я осмотрел и описал деревенское кладбище и место, где раньше стояла церковь. Сурхаско ходил по деревне, общался с ее жителями. Как мне помнится, он был без фотокамеры. Позже я послал ему снимок места, где когда-то была церковь. Это уникальное место. Раньше мне не доводилось видеть ничего подобного. Множество лоскутков и «платков» было прикреплено к растущим там молодым деревьям. Этот объект осмотрел и Йоуко, и он попросил прислать ему снимок. Позже он напомнил мне о своей просьбе. Судя по всему, платки прикреплялись к деревьям, начиная со времени гибели старой церкви. На мой взгляд, это свидетельствует о том, что храм имел большое значение, причем не только для жителей этой деревни.

После Кимасозера мы через Ледмозеро проехали в д. Тикша, где остановились в доме Катри Матикайнен. В сопровождении Андрея

**Деревянная иконка-крест
на могильном столбце
на кладбище д. Тунгуда
Беломорского района**

Фото Ю. Ю. Сурхаско, 1975 г.
(НА. Р «О». № 1858)

Матикайна я посетил кладбище заброшенной д. Хийсиярви. Йоуко остался в Тикше. Ему было интереснее среди людей, и он дал понять, что я хорошо справлюсь со своими задачами в сопровождении молодого Андрея. Потом мы обсудили дальнейшие планы. Йоуко предлагал посетить Реболы и расспросил о кратчайшем пути в тунгудскую д. Березово (Койвуниemi). Реболы пришлось исключить из маршрута, а в Койвуниemi не было проезжей дороги. В понедельник, 3 июня, мы выехали в направлении Ругозера. Предполагалось, что далее мы выедем на Мурманскую автодорогу и потом свернем направо – к Тунгуде.

В Ругозере мои опасения, к сожалению, оправдались. Я фотографировал деревенские виды со стороны прибрежной улицы, и потом мы поднялись к Дому культуры в центральной части деревни. Йоуко отправился на поиски учителя, который проводил экскурсии в местном музее. Мы ознакомились с его коллекцией. Затем пришел приглашенный учителем председатель сельсовета. Мы разговаривали о посещении Тунгуды. После этого к нам подошел местный милиционер, ранее видевший меня фотографирующим деревню и, конечно, мою машину. После переговоров нам было предложено пройти в помещение сельсовета. До этого я успел поснимать на двух деревенских кладбищах.

**Намогильный столб,
обмотанный вафельной тканью
на кладбище д. Тунгуда
Беломорского района**

Фото Ю. Ю. Сурхаско, 1975 г.
На переднем плане – хлебная
лопата (НА. Р «О». № 1864)

После дальнейших разговоров и телефонных звонков нам было предписано отправиться в районный отдел внутренних дел в п. Муезерский. Настроение было подавленным, когда под дождем мы ехали по извилистой грунтовой дороге через Тикшу в Муезерский. В Муезерском РОВД нам сообщили, что завтра мне надлежит покинуть территорию этого района, т. е. вернуться туда, где я могу передвигаться и работать в соответствии с полученной визой. У меня остался небольшой «сувенир» – свидетельство о регистрации в паспортном столе. С Йоуко провели отдельную беседу. Я ждал его на улице под дождевиком, курил и размышлял о перипетиях судьбы исследователя.

На ночь мы вернулись в дом Катри Матикайнен в Тикше и на следующий день выехали в Вокнаволок. Йоуко ничего не рассказывал о разговоре, состоявшемся с начальником РОВД, настроение было подавленным. В довершение в Вокнаволоке нам пришлось расположиться в так называемом доме приезжих посреди деревни, рядом с почтой. Его интерьер был более чем скромным, было холодно и сыро. Первым делом я затопил печку. Комната медленно прогревалась. Я тоже согрелся за любимым занятием, когда колот дрова, и стал планировал дальнейшую работу. Нашелся мой знакомый гид, и задачи были ясны.

Снова в Вокнаволоке

В среду, 5 июня, вместе с местным гидом мы посетили несколько мест. Йоуко проводил время в обществе деревенских жителей. Вечером он рассказал, что завтра в деревне будут продавать бензин. Мой гид пообещал, что продаст мне часть своего бензина. Следующая ночь выдалась беспокойной. Потом выяснилось, что мы не проинформировали сельсовет о нашем пребывании в деревне, и моему гиду пришлось выслушать упреки. Все это вызывало досаду. Я с грустью вспоминал прошлогоднюю поездку в те же места: тогда все было безупречно, да и погода благоприятствовала путешествию.

Утром следующего дня к нам пришел Вассели Ахонен, старый знакомый Сурхаско. Он был родом из Ладвозера, и ему приходилось работать «вздымщиком» (заготовщиком живицы). Судя по всему, Йоуко заранее договорился о встрече. На лодке Ахонена мы отправились в сторону д. Кеюняозеро. По дороге, на берегу Иутала я видел медведицу с двумя резвящимися медвежатами. Преодоление порога Кеюня через остров посреди течения потребовало усилий, но мы справились с этим без особых приключений. Мы оставили лодку на берегу острова снизу от порога. Вторая лодка ждала нас с другой стороны. Мы перенесли лодочный мотор и все необходимое и продолжили путь. Он пролегал через Марьоселькя к устью р. Вуокинйоки, что течет из озера Суднозера (Венехъярви). Там была избушка рыбаков и охотников, построенная на месте жилого дома. По обе стороны речного устья на берегу были некогда жилые места, позже покинутые людьми. Теперь там были рыбацкие избушки. На обратном пути мне довелось грести. Это было приятной «сменой деятельности» и согревало на холодном ветру. Бензина оставалось немного, и его надо было экономить. Вечером Йоуко отправился в гости к Вассели. Я остался в доме приезжих делать дневниковые записи.

**Ворота кладбищенской ограды на Колгострове
(Водлозеро, Пудожский район Республики Карелия)
Фото Ю. Ю. Сурхаско, 1974 г.**

В пятницу, 7 июня, наконец-то, выдался ясный солнечный день. Я в одиночку работал в деревне и Толлореке. Вечером Йоуко и Вассели сообщили, что мы приглашены в баню по-черному на берегу Ламмасъярви. Хозяева были очень гостеприимны. Я вернулся домой, а Йоуко отправился в гости к Вассели.

В субботу опять шел дождь. Наверно, поэтому не было и лодочника. Йоуко сообщил, что в понедельник он возвращается в Петрозаводск. Кто-то другой заменит его. Сурхаско предложил мне снова перебраться в дом Карху, который расположен в тихом месте, поодаль от центра деревни. Это предложение мне понравилось. Как-то ночью пьяные молодые люди бродили вокруг дома приезжих, угрожая перевернуть мою машину. В тот день я писал письма и дневник, а также сфотографировал икону, найденную в Лувозере. Я решил отнести ее председателю сельсовета. Йоуко вернулся часов в десять вечера и рассказал, что помогал Вассели в посадке картофеля. Несмотря на дождь, я сумел многое сфотографировать и сделать.

В воскресенье я занимался описанием объектов и интервьюировал местных жителей, а также сумел разжиться бензином. Вечером Йоуко рассказал, что он договорился о бане. Он также сообщил, что я могу перейти жить в дом Карху и подтвердил, что уезжает в Петрозаводск, но никто не придет сменить его ради нескольких дней. Ночь выдалась беспокойной, но, к счастью, никто и ничто (моя машина) не пострадали. Судя по всему, грозные речи Йоуко, который говорил по-русски, сумели успокоить публику, меряться силой не пришлось.

Утро понедельника было прохладным и пасмурным. Запланированную поездку на Ристиниеми (Крестовый мыс) перенесли на следующий день. Йоуко собирался в дорогу. Теперь я мог рассчитывать только на себя. Я отнес икону в сельсовет Сантери Лесонену для передачи в Петрозаводск, в музей, для Наталии Гроссман. Заодно я рассказал ему, во избежание неприятностей, о своем положении и потом перешел в дом Карху на берегу Ламмасъярви. Временами шел проливной дождь, и было невозможно работать на улице. Я промок, так что деревенская баня была очень кстати. Слушал новости финского радио: теплее не станет, но дожди, возможно, закончатся. Тем летом погода вообще была плохой.

Во вторник и среду я работал в районе Поньгогубы и интервьюировал жителей Вокнаволока. Дома меня ждал сюрприз. Лодочник Виктор рассказал хозяевам о моем дне рождения, и я удостоился прямо-таки княжеского угощения. Это было проявлением человеческой теплоты среди холодного дождливого лета!

Четверг был наполнен работой. Вечером по радио передали, что ожидается резкое понижение давления и снова дожди. Что было делать? Утро следующего дня было серым, холодным и дождливым. Я решил вернуться в Финляндию. Две недели результативной работы позади. Жаль только, что погода не благоприятствовала мне в этой поездке.

Позже я размышлял о работе Йоуко Сурхаско в качестве моего сопровождающего. Почему он так часто куда-то уходил, оставляя меня одного? Ему почему-то казалось, что я справлюсь и без его помощи. Мысль посетить Тунгуду в дальнейшем оказалась плодотворной, хоть мы и не попали туда в тот раз. Позже я обнаружил там много интересных мест и объектов. Основанные на воспоминаниях сведения о связи этих мест с карельскими деревнями восточного Кайнуу манили меня в те края, где еще много работы для исследователя. Путь в тунгудские деревни не близок. Поскольку время разрушило мосты на прямых маршрутах, в Тунгуду надо попадать через автотрассу Санкт-Петербург – Мурманск.

Я не сумел близко познакомиться со своим спутником-гидом в течение тех двух недель. Кое-что он, конечно, рассказывал, но многие важные вещи

остались не проясненными. В нем было что-то загадочное, потаенно-личностное. Он был очень настойчив и даже упрям. Ярким моим воспоминанием была его прогулка босиком по разбитой весенней распутицей дороге в Судозеро и обратно – больше десяти километров.

В своих рассказах Сурхаско затрагивал и глубоко личные темы. Его отец перебрался с Карельского перешейка в Россию, по всей видимости, в пору революционных потрясений. У Йоуко были основания переехать в Финляндию, став «репатриантом», но он никогда даже не говорил о такой возможности при наших дальнейших встречах. Он бывал в Финляндии и в меру этого знал ее, но до конца остался верен Петрозаводску и своей научной работе. Йоуко Сурхаско приглашал меня познакомиться с его большим домашним фотоархивом. К сожалению, я так и не успел нанести этот визит.

К. К. Логинов

МАТЕРИАЛЫ ПО ТРАДИЦИОННЫМ ОБРЯДАМ И ПРЕДСТАВЛЕНИЯМ НАСЕЛЕНИЯ КАРЕЛИИ, СВЯЗАННЫМ С БАНЕЙ¹

На месте, выбранном для строительства бани, в старину обязательно спрашивали разрешения на постройку у духа-хозяина земли. Если баня ставилась в озере на столбах, то на восходе солнца хозяин в пояс кланялся на все четыре стороны и, обратясь к воде, просил: «Водяной батюшка и земли хозяин, позвольте на месте сем мне, рабу божьему (имярек), баньку построить» (НА². Ф. 1. Оп. 6. Д. 624. Л. 23, 25. Сямозеро. 2001). Далее могла следовать специальная просьба к водяному, чтобы он не посылал льдины на берег, которыми весной могло бы разрушить строение. В этом случае в воду могли бросить нечетное число медных монет. У северных карел и русских Заонежья был известен обычай заделывать в порог новой бани немного ртути. Для этого в пороге высверливалось углубление, в него опускалась ртуть, а чтобы она не испарялась, в отверстие сверху забивался сучок. Наличие ртути в пороге, по народным поверьям, не позволяло нечистым духам поселиться в бане.

Баня в хозяйственных обрядах

Баня в Карелии использовалась не только в качестве помещения для мытья, но и для других целей, в частности хозяйственных. Примерно до